

THE CIVIL WAR FROM THE DNIESTER TO THE PACIFIC: AN ACCOMPLISHED APOCALYPSE

DOI 10.15826/qr.2021.1.565

УДК 94(470)"1917/1920" + 329.7(09) + 329:0/9

КОМИТЕТ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КАК ЛЕВОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА КОММУНИСТАМ И БЕЛЫМ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ*

Александр Шубин

Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

THE COMMITTEE OF MEMBERS OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY AS A LEFT-DEMOCRATIC ALTERNATIVE TO THE COMMUNISTS AND THE WHITES IN THE CIVIL WAR

Alexander Shubin

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

The Committee of Members of the Constituent Assembly (*Komuch*) was an option in the Civil War that was essentially distinct from both the Soviet and the White alternatives. Komuch differed from the Soviet and the White authorities, as it was characterised by a combination of advanced socioeconomic policy and a dogmatically principled commitment to parliamentary democracy. In the event of the military victory of such a power, the success of the social democratic model was not guaranteed (as the history of Europe during the interwar period demonstrated), but Russia's chances of moving along a path that combined

* *Citation*: Shubin, A. (2021). The Committee of Members of the Constituent Assembly as a Left-Democratic Alternative to the Communists and the Whites in the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 57–73. DOI 10.15826/qr.2021.1.565.

Цитирование: Шубин А. Комитет членов Учредительного собрания как леводемократическая альтернатива коммунистам и белым в Гражданской войне // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 57–73. DOI 10.15826/qr.2021.1.565.

a social state and democratic institutions would have increased markedly. While criticising, and in many respects rightly so, the military policy of the Bolsheviks, the Social Revolutionaries and Mensheviks had to partially restore market capitalist relations. Their successful development was possible with the cooperation of the government and the bourgeoisie. The bourgeoisie demanded the dismantlement of “socialist conquests”, which Komuch was not going to do – both for ideological reasons and because the capitalist economy had begun to disintegrate during World War I and the Revolution. Komuch’s path involved the combination of a market economy (not necessarily just capitalist), state regulation, and broad social rights. After the Bolshevik promises, the workers and peasants took it quite calmly, fearing the possible cancellation of the social gains of the Revolution and expressing dissatisfaction with violations of promised civil rights. But the bourgeoisie, convinced of the “inconsistency” of dismantling institutions that infringed on the right of private property, stood in sharp opposition to Komuch, betting on its opponents in the anti-Soviet camp. At the same time, Komuch did not have time to build a state system for monitoring compliance with social rights and had to rely on the activity of trade unions, which, due to their social function, were critical of the government – in this case, Komuch. Komuch followed the law regulating the socialisation of land adopted by the Constituent Assembly and proposed a relatively successful version of regulating the food supply for the cities. Initially, the people’s army created by Komuch was also successful (enjoying support from the Czechoslovak Corps). However, Komuch faced a blockade by the Provisional Siberian Government. It was the opposition of more right-wing forces in the rear that predetermined the defeat of the Komuch alternative.

Keywords: Committee of Members of the Constituent Assembly, Soviets, people’s army, social state, agrarian and food issues

Рассмотрена деятельность Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), проводившего в условиях Гражданской войны вариант политики, которая качественно отличается как от советской, так и от предложенной белыми альтернативы. От советской и белой властей Комуч отличался сочетанием передовой для того времени социально-экономической политики с принципиальной до догматизма приверженностью идеям парламентской демократии. В случае военной победы такой власти успех социал-демократической модели, по мнению автора, еще не был гарантирован, но все же заметно увеличивались шансы России на развитие по пути, сочетавшему социальное государство и демократические институты. Критикуя, и во многом справедливо, военно-коммунистическую политику большевиков, эсеры и меньшевики должны были частично восстанавливать рыночно-капиталистические отношения, успешное развитие которых было возможно при сотрудничестве власти и буржуазии. Буржуазия же требовала демонтажа «социалистических завоеваний», на что Комуч идти не собирался как по идейным причинам, так и в силу того, что капиталистическая экономика в ходе Первой мировой войны и революции стала распадаться. Путь Комуча предполагал сочетание рыночной

экономики (не обязательно только капиталистической), государственного регулирования и широких социальных прав. Рабочие и крестьяне после большевистских обещаний отнеслись к этому довольно спокойно, опасаясь возможной отмены социальных завоеваний революции и выражая недовольство нарушениями обещанных гражданских прав. Буржуазия, убедившись в «непоследовательности» демонтажа институтов, ущемляющих право частной собственности, встала в резкую оппозицию Комучу, делая ставку на его противников в антисоветском лагере. Комуч, следуя принятому Учредительным собранием закону о социализации земли, предложил относительно успешный вариант регулирования продовольственного снабжения городов. Первоначально успешно действовала и созданная Комучем Народная армия (при поддержке войск Чехословацкого корпуса). Однако Комуч столкнулся с блокадой со стороны Временного сибирского правительства. Именно это противодействие более правых сил в тылу и предопределило его поражение.

Ключевые слова: Комитет членов Учредительного собрания, Советы, Народная армия, социальное государство, аграрно-продовольственный вопрос

В конце 1917 – начале 1918 г. наибольшей популярностью в России пользовались сторонники демократического социализма. Разгон Учредительного собрания и начало широкомасштабной Гражданской войны уменьшили шансы на успех этой альтернативы, но не свели их к нулю.

Победа большевизма и широкомасштабная затяжная Гражданская война – оборотная сторона и результат поражения именно социалистической альтернативы в 1917–1918 гг. В экстремальных условиях Гражданской войны эсеры и отчасти меньшевики попытались продолжить борьбу за свои принципы, насколько их воплощение было возможно на территории нескольких губерний, вовлеченных в войну. Эта попытка отстоять перспективу демократического социализма связана с Комитетом членов Учредительного собрания (Комучем).

Некоторые участники Комитета членов Учредительного собрания оставили воспоминания об этих событиях [Гражданская война на Волге]. При этом в мемуаристике преобладают враждебные отзывы со стороны красного и белого лагерей [Знаменский; Скитания русского офицера; Терехин]. Ренегатом социалистического движения стал министр труда Комуча И. Майский, после перехода в коммунисты написавший разоблачительные мемуары [Майский]. Имея монополярный доступ к архивным материалам, авторы советского времени изучение истории феномена сводили к разоблачению «ничтожества и жестокости» «демократической контрреволюции» [Гармиза; Попов]. Зарубежная историография, испытывая дефицит источников, обычно трактовала Комуч либо с жалостливой симпатией, либо представляя его как что-то переходное к белому движению, имевшему для большевиков значение действительно серьезной угрозы [Перейра].

Историографическая революция 1990-х гг. вызвала взрыв интереса к партии эсеров и Учредительному собранию, который затмил тему Комуча, несмотря на ее важность для понимания пути эсеров в революции. Именно Комуч стал практическим проявлением политики партии эсеров в условиях Гражданской войны. Отношение современной российской историографии закономерно определялось идеологией авторов, что давало перевес его критикам как «слева», так и «справа» [Калягин, Парамонов; Кондрашин; Ратьковский]. Но присутствовала и точка зрения, защищавшая Комуч как предпочтительную власть и перспективу для России того времени [Трукан]. Расширение доступа к разнородным источникам позволяет перейти от общих оценок и многочисленных критических «придинок» к комплексному анализу событий революции и Гражданской войны, в том числе и политики Комуча [Лапандин, 2003; Лапандин, 2006; Прайсман; Шубин]. Большим событием для исследователей Комуча стало издание журналов его заседаний и других документов [Журнал заседаний].

Возникновение

В самом начале июня в Самаре эсеры-депутаты Учредительного собрания П. Климушкин, К. Фортунатов, В. Вольский, И. Нестеров и В. Филипповский возглавили подпольную антисоветскую группу, которая готовилась помочь наступающим войскам восставшего против советской власти Чехословацкого корпуса. Однако чехословацкие солдаты 8 июня ворвались в город быстро, и помощь изнутри не понадобилась. Климушкин так описал это в своем докладе 14 ноября 1918 г.:

Жители Самары увидели автомобиль, проехавший под охраной чехов (пока еще не русских солдат) в здание городского самоуправления. В автомобиле сидел Комитет членов Учредительного собрания [Журнал заседаний, с. 434].

В него вошел также присоединившийся к чехословацким войскам И. Брушвит [Там же, с. 444]. Все эти первые члены комитета (Комуча) были эсерами. В него должны были входить только депутаты Учредительного собрания, среди которых эсеры составляли большинство. 8 июня Комуч принял Приказ № 1, в котором говорилось:

Призываем всех граждан сплотиться вокруг великого и всенародного Учредительного собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок. Единая, независимая, свободная Россия. Вся власть – Учредительному собранию. Вот лозунги и цели – новой революционной власти [Там же, с. 142].

Уже в этом приказе было заложено основное противоречие политики Комуча: с одной стороны, устанавливалась новая революционная власть, которая должна была принадлежать Учредительному

собранию с социалистическим большинством, с другой – задача продолжить начатые им реформы плохо согласовывалась с восстановлением покоя и порядка.

Идеологи Комуча пытались совместить две популярные темы – национальную и социальную. Этот идеологический синтез прослеживается и в дальнейшем развитии официальной позиции Комуча [Журнал заседаний, с. 394–395].

Основой легитимности Комуч считал тот факт, что он состоит из депутатов Учредительного собрания. Однако, чтобы продолжить формирование законной власти России и начать принятие законов, нужно было собрать кворум парламента. В Самаре находились до 120 членов собрания, но в итоге в комитете остались 93 [Там же, с. 10, 432], что до кворума Учредительного собрания – 400 депутатов – было далеко. Даже если вычесть из общего количества избранных депутатов (767) большевиков и левых эсеров как «самоисключившихся» (около 220), то половина составит около 280. 23 июля Комуч постановил, что в списке эсеров левые эсеры считаются выбывшими и замещаются следующими по списку кандидатами [Там же, с. 39]. Верность тени Учредительного собрания гарантировала легитимность эсеровскому руководству, потому что партия эсеров выиграла именно выборы 1917 г. А теперь на власть претендовали те, кто эти выборы проиграла, но имели значительные ресурсы – финансовые и силовые.

Конструкция власти

Во главе Комуча стояли председатель В. Вольский и президиум, в который, помимо председателя, входили два заместителя и два секретаря. Председатель и президиум переизбирались ежемесячно, но Вольский все время избирался на этот пост. 14 августа был учрежден отдельный исполнительный орган Комуча – Совет управляющих ведомствами (СУВ) во главе с эсером Е. Роговским. Президиум Комуча мог приостановить любое решение СУВ и передать его на обсуждение Комуча.

Органы Комуча действовали от имени Российской Федеративной Демократической Республики [Журнал заседаний, с. 60]. Комуч признавал право тюркских народов как на национально-культурную автономию, так и на территориальную автономию (это касалось Туркестана, Алаш-Орды (Казахстана) и Башкирии). Окончательно вопрос о границах автономий должно было решить Учредительное собрание [Там же, с. 406–409]. Комуч допускал формирование национальных воинских формирований.

Комуч стремился восстановить местное самоуправление. 19 июля П. Климушкин провел через Комуч предложение о волостном земстве и сельской власти. Кворум земских собраний снижался до четверти депутатов. Земства должны были восстанавливаться до нормального состава за счет замещения выбывших следующими по списку кандидатами. Поскольку выбывали прежде всего большевики и левые эсе-

ры, земства по политической позиции смещались существенно вправо по сравнению с результатами выборов [Журнал заседаний, с. 34].

Перевыборы органов самоуправления в городах дали преимущество в основном социалистам, за исключением Уфы, где победил список приходов. Социалисты (включая правых из Союза возрождения России) составляли самые крупные фракции и на других выборах в городское самоуправление, кроме Уфы [Прайсман, с. 302–303]. Однако административная власть на местах передавалась уполномоченным Комуча. Они могли производить аресты, распускать съезды и собрания [Журнал заседаний, с. 165, 179] (то есть как таковые съезды и собрания допускались и, как мы увидим, не всегда разгонялись даже при активной агитации против властей Комуча).

26 июля было принято разъяснение местным властям о том, что они не имеют права вмешиваться в деятельность судов [Там же, с. 44]. Это иногда препятствовало проведению левого курса Комуча, так как судьи, вступившие в должность в 1917 г., по своим взглядам были «правее».

Уровень репрессий

Важный критерий для характеристики политики Комуча – уровень масштаба репрессий. По данным, оглашенным на рабочей конференции Самары 11–15 июня, в городе было арестовано около 1,5 тыс. чел. Делегаты конференции требовали освободить всех политзаключенных, кроме советских руководителей [Прайсман, с. 221]. В дальнейшем, по официальным данным, в Самаре при Комуче по политическим причинам были арестованы 268 чел. [Журнал заседаний, с. 528].

20 июня Комуч издал приказ о привлечении гражданских лиц к военному суду, что допускалось только на территориях, на которых было объявлено военное положение. Могли привлекаться (что с высокой степенью вероятности означало расстрел) лица, виновные в восстании, приготовлении и подстрекательстве к нему (под это положение можно было подвести агитацию за советскую власть), сопротивлении властям, шпионаже, умышленных поджогах и истреблении военного имущества, продовольствия и фуража, хранении оружия без разрешения, умышленном повреждении коммуникаций, вооруженном нападении или сопротивлении солдатам, находящимся на посту, и милиционерам, разбое и грабеже [Там же, с. 157]. Как видим, в приказе были перечислены разнопорядковые преступления с возможностью широкого толкования его положений.

Пиком террора со стороны Комуча стал расстрел пленных в Казани. Погибли несколько сот человек [Ратьковский, с. 124–125]. Но вскоре под давлением рабочей конференции Казани был выпущен приказ о том, что расстрел может производиться только по приговору суда, а в губернской тюрьме, как вспоминает один из ее узников, «офицерские караулы были заменены рабочими» [Терехин, с. 34]. Затем в Казани было расстреляно не менее 60 чел. [Знаменский, с. 142].

Только 18 сентября Комуч учредил чрезвычайный суд в Самаре из четырех человек, представлявших чехословацкие войска, Народную армию и Ведомство юстиции. Этот суд мог рассматривать дела, которые «не требуют предварительного следствия», но достойны смертной казни (от восстания до убийства, спекуляции предметами первой необходимости и даже призыва к уклонению от воинской службы) [Журнал заседаний, с. 300–301].

И. С. Ратьковский опубликовал сборник сообщений об антисоветском терроре – в основном из советских публикаций, некоторые из которых даже по его мнению заведомо преувеличены. Эта «коллекция» позволяет подтвердить несколько сотен жертв структур Комуча и более тысячи – солдат Чехословацкого корпуса. С учетом гибели ижевско-воткинских повстанцев можно уверенно говорить примерно о 2 тыс. жертв [Ратьковский, с. 74–174]. При этом нужно учитывать, что сам Комуч боролся с произволом своих офицеров, создавших военно-полевые суды, и принял решение:

Военно-полевые суды не должны существовать как органы постоянные, а назначаются каждый раз с особого разрешения Комитета членов Учредительного собрания. Только в действующих частях армии и в случаях военного бунта военно-полевые суды возникают самостоятельно при условии немедленного сообщения об этом в Комитет членов Учредительного собрания [Журнал заседаний, с. 42].

«Народная армия»

Комуч приступил к формированию добровольческих военных формирований, названных «Народная армия». Штаб армии возглавил подполковник Н. Галкин, его членом был один из основателей Комуча Б. Фортунатов. 22 июля командующим российскими частями, действующими на фронте, был назначен В. Каппель, 24 августа произведенный в полковники. 29 июля Галкин, уже в чине полковника, был назначен управляющим военным ведомством, а штаб был упразднен.

Член Центрального комитета Партии социалистов-революционеров и член СУВ М. Веденяпин докладывал 29 апреля 1919 г. на его заседании:

...Для борьбы с большевиками комитет решил, что можно пользоваться только добровольцами, а не армией, составленной по набору; последняя предназначалась для борьбы с германцами. Призваны были молодые года (2 года) и отведены в тыл на обучение [Журнал заседаний, с. 452].

Мобилизация неминуемо вела к недовольству, но без нее создать достаточно многочисленную армию было невозможно. Часть мобилизованных была направлена на фронт.

По оценке Климушкина в докладе 14 ноября 1918 г., Народная армия составила 15 тыс. бойцов, на которых хватило оружия. Было мобилизовано еще 46 тыс., но «мы не могли вооружить и пятой части солдат. Остальная масса бездействовала и, бездействуя, разлагалась» [Журнал заседаний, с. 435].

Вольский в докладе IX Совету партии эсеров в 1919 г. утверждает, что к концу существования Комуча на Поволжском фронте было около 22 тыс. солдат, из них 5,5 тыс. чехословацких, 6 тыс. добровольцев, около 2 тыс. казаков и 8–9 тыс. мобилизованных [Там же, с. 477]. По другим данным, у Дутова было уже около 20 тыс. бойцов [Там же, с. 506]. Историк Л. Г. Прайсман оценивает общую численность вооруженных бойцов Народной армии в 40 тыс. чел. плюс 6 тыс. чехословацких солдат [Прайсман, с. 134].

Комуч в своем военном строительстве сделал ставку на офицерство. В заявлении от имени Комуча указывалось на необходимость передачи «военного дела исключительно в руки военных авторитетов – офицеров с боевым прошлым» [Журнал заседаний, с. 388]. Ослабив идеологический контроль над армией, Комуч облегчил преобразование ее в инструмент правых политических сил.

В июне-августе 1918 г. под контроль Комуча попали Самарская, части Казанской, Уфимской, Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний.

Наиболее боеспособной частью Народной армии был «Добровольческий партизанский отряд» под командованием подполковника В. Каппеля. Человек монархических взглядов, Каппель сохранял лояльность Комучу. Концентрация войск на театре военных действий была низкой, как и устойчивость частей формирующейся РККА. Каппель проводил глубокие рейды то с помощью пароходов по Волге, то на подводах. 10 июля Народная армия отбила у красных Сызрань, 21 июля вместе с чехословацкими войсками – Симбирск. 6 августа была взята Казань. Наступление на север вызвало серьезные разногласия в руководстве Комуча, так как не было им санкционировано. Товарищ главы военного ведомства В. Лебедев надеялся, что, если продолжить наступление, то можно при поддержке сормовских рабочих взять Нижний. Он писал в дневнике:

Сегодня пришла пробравшаяся делегация от сормовских рабочих из Нижнего Новгорода. 15 тыс. рабочих ждут нас с нетерпением. В Нижнем у большевиков паника. Все силы двинуты на усмирение вспыхнувших к северу крестьянских восстаний [цит. по: Прайсман, с. 217].

Финансовые ресурсы

Благодаря взятию Казани у Комуча возник шанс получить финансовые ресурсы, столь остро необходимые для закупок оружия и для социальной политики. В Казани была захвачена значительная часть

золотого запаса России. Законнический догматизм лидеров Комуча оказался сильнее прагматизма. Комуч был готов скорее проиграть войну, чем потратить что-то из средств, принадлежавших Учредительному собранию и России в целом. В результате было решено этих денег не тратить, и при сдаче дел Комуч осенью передал Директории 40 тыс. пудов золота, 30 тыс. пудов серебра, платину и значительную часть захваченных в Казани денежных средств [Журнал заседаний, с. 19]. Затем эти средства достались Колчаку, который начал их тратить на нужды своего режима.

Комучу остро требовались средства. В месяц на Народную армию уходило около 100 млн руб. [Там же, с. 18]. Деньги требовались и на нужды Чехословацкого корпуса. Комуч оплачивал работу восстанавливавшихся земств, которые по мере сил налаживали решение местных проблем, субсидировал региональные правительства. За неимением иных денежных знаков Комуч стал выпускать свои облигации, известные как раковки (по имени управляющего финансовым ведомством Ф. Ракова), но их ценность в глазах жителей была невелика. Если бы Комуч рискнул потратить на их обеспечение хотя бы небольшую часть золота, ситуация могла быть другой. Также использовались билеты Займа свободы 1917 г. В конце существования Комуча были выпущены его собственные деньги на 130 млн руб., еще 70 млн выпустил Оренбург [Там же, с. 450–451].

17 сентября, когда Совет управляющих ведомствами комитета признал финансовое положение катастрофическим и решил приступить к продаже серебряных монет из захваченных в Казани государственных запасов по цене в пять раз выше их номинальной стоимости [Попов, с. 216], было уже поздно.

Экономическая политика

Одна из важных черт социальной политики Комуча – нежелание отрицать все, что сделала советская власть. Он стремился быть не контрреволюцией, а коррекцией пути революции. Вольский говорил в докладе IX Совету партии эсеров в 1919 г.:

Комитет считал бессмысленным возврат к законам правительства коалиции и вышвыривание вместе с большевистской властью того социально-ценного, что имелось в ее декретах [цит. по: Журнал заседаний, с. 427].

26 июня Комуч решил:

Движимое и недвижимое имущество частных лиц, находящееся в различных советских учреждениях, временно, впредь до особого распоряжения, не должно быть возвращаемо этим лицам, так как подобное возвращение может лишить эти учреждения возможности продолжать свою работу [Там же, с. 32].

В приказе от 10 июня Комуч разъяснил, что выданные советской властью документы на жилье сохраняют силу, и занимающие помещения жильцы выселятся не будут [Журнал заседаний, с. 144].

Регулировать торгово-промышленную деятельность должен был Торгово-промышленный совет при Комуче, в который должно было входить более 20 представителей от заинтересованных общественных организаций и ведомств [Там же, с. 343–345]. Государственные структуры (Совнархоз, комитеты при ведомстве торговли и промышленности) распределяли топливо и металлы, которые могли выдаваться только по нарядам. 9 июля была учреждена комиссия по денационализации, которая работала медленно, обуславливая свою деятельность множеством причин [Там же, с. 345–347].

Особое совещание по обороне, состоявшее из представителей ведомств и Совета торговли и промышленности, имело право преимущественного исполнения своих заказов предприятиями, а также могло секвестировать их в зоне военного положения и сменять управляющих и членов правлений [Там же, с. 281–282].

На процессе эсеров 1922 г. Д. Раков утверждал:

Вся та политика, которая проводилась Комучем, вряд ли чем отличалась от той политики, которую сейчас проводит советская власть, ибо она свою прежнюю политику назвала ошибкой. А мы этой политики не совершали – за что же нас винить? [цит. по: Трукан, с. 38].

Как отмечает Г. А. Трукан, «самарская модель социализма являлась реальной альтернативой не только “военному коммунизму”, но и последующему ленинскому НЭПу» [Там же]. Комуч обеспечивал гораздо большие свободы, чем коммунисты в 1920-е гг.

Социальное государство

Ключевой фигурой в проведении социальных реформ Комуча стал меньшевик И. Майский, будущий советский дипломат и академик. 10 августа он был назначен управляющим ведомством труда.

Майский надеялся провести целую серию законов: о 8-часовом рабочем дне, о минимальной зарплате, о свободе профсоюзов, о страховании от безработицы, несчастных случаев и по болезни, о промысловых (промышленных) и арбитражных судах, о трудовой инспекции и трудовом договоре [Майский, с. 37].

Осуществление такой программы означало бы создание в России наиболее совершенного социального государства Европы. Эта модель предвосхищала реформы Рузвельта и шведских социал-демократов. В условиях, когда территория Комуча находилась в кольце фронтов и блокады, реализовать этот план во всей полноте было очень сложно хотя бы по финансовым соображениям. Но социальный вектор развития России, за который Комуч боролся, был определен в его мероприятиях.

4 сентября был принят приказ о 8-часовом рабочем дне, который предусматривал, что рабочий не может трудиться больше 48 часов в неделю, а работник в возрасте до 16 лет – 36 часов. Рабочим должен был предоставляться еженедельный выходной и ежедневный часовой перерыв для приема пищи. Устанавливался перечень выходных. Замена работы в праздник на работу в будни могла производиться по добровольному соглашению и с разрешения ведомства труда и его местных органов. Сверхурочная работа допускалась по добровольному соглашению, ограничивалась во времени 16 часами в месяц и должна была оплачиваться не менее, чем в полуторном размере. Работники в возрасте до 16 лет к ней не допускались. Отклонения от этого приказа во время войны могли устанавливаться на предприятиях, работающих на оборону, совместным решением ведомств труда, военного и того, которому принадлежит предприятие, и только в случае утверждения Комучем [Журнал заседаний, с. 291–293].

7 июля последовал приказ, запрещающий локауты. Лица, их использовавшие, подлежали военному суду. Нарушители социального законодательства Комуча подвергались судебному преследованию [Там же, с. 258].

Комуч следил за уровнем безработицы. «Предусматривалось развитие системы общественных работ и создание общественных столовых, деятельность которых должна была начаться с 1 июля. Пока же Комуч выделил 133 тыс. руб. на выдачу безработным. К началу июля из них было выдано около 65 тыс. руб. 25 июня последовал приказ о создании кассы безработных», – пишут А. В. Калягин и В. Н. Парамонов, весьма критически настроенные в отношении Комуча [Калягин, Парамонов].

Помимо общих идеологических мотивов, социальные меры были призваны обеспечить Комучу поддержку со стороны рабочих. Однако их волновали не только социальные права, но и гражданские, прежде всего произвольные репрессии. Рабочие Самары и Казани могли выразить свое отношение к Комучу на рабочих конференциях. Там звучала критика, но большинство поддерживало политику Комуча.

Приказ Комуча 8 июня распускал существующие Советы, но с возможностью избрать новые как общественные органы [Журнал заседаний, с. 142]. В начале августа в Самаре был созван новый Совет рабочих депутатов из 201 представителя. Политическое лидерство здесь принадлежало меньшевикам, и председателем Совета был выбран меньшевик А. Кабцан. Однако 30 августа Совет принял резолюцию «беспартийных», которую поддерживали большевики. На территории Комуча существовал настолько широкий политический плюрализм, что рабочие могли выражать ту позицию, которую считали нужным. На советской территории рабочий класс в это время терял такую возможность.

Аграрно-продовольственный вопрос

Одним из важнейших вопросов внутренней политики в условиях Великой российской революции был аграрно-продовольственный. Для Комуча аграрный вопрос был в принципе решен Учредительным собранием. 22 июля была принята следующая формула о земле:

Земля бесповоротно перешла в народное достояние, и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков комитет не допускает. Сделки купли-продажи и залога на земли сельскохозяйственного назначения и лесные угодья запрещаются, а тайные и фиктивные сделки объявляются недействительными. Виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности [Журнал заседаний, с. 338–339].

25 июня Комуч восстановил систему земельных комитетов, предписав им руководствоваться первыми десятью пунктами земельного закона, которые успело принять Учредительное собрание. Земля перешла в распоряжение этих комитетов [Там же, с. 161–177]. При этом право снять озимые получал тот, кто их произвел (если крестьяне уже сняли чужие озимые, то должны были платить компенсацию), и государство получало преимущественные права на приобретение продовольствия у крупных хозяйств. Однако инвентарь, уже отнятый у помещиков крестьянами, оставался в их распоряжении или в распоряжении земельных комитетов [Там же, с. 198–199], так что рассчитывать на уборку силами крупных частных владельцев было затруднительно.

Первоначально Комуч ввел свободную торговлю хлебом. Крестьяне, укрывавшие хлеб от большевиков, охотно продавали его. Было заготовлено достаточно хлеба даже для того, чтобы везти его в центральные губернии по мере наступления [Там же, с. 450]. Сохранялись советские нормы выдачи хлеба горожанам [Кондрашин, с. 115]. На рынках возникло продовольственное изобилие [Майский, с. 32]. Но для лидеров Комуча свобода торговли была временным тактическим шагом. Они понимали: в условиях свободной торговли продовольственное изобилие является временным. Во-первых, август – время урожая. Во-вторых, крестьяне, скрывавшие продовольственные запасы от большевиков, теперь торопились их распродать. А кормить жителей города нужно будет и поздней осенью, и зимой. Нельзя избежать дефицита без целенаправленных заготовок впрок и регулирования поставок продовольствия, тем более в условиях падения производства товарного хлеба и необходимости кормить войска. А значит, неизбежен быстрый рост цен на рынке, который сделает продовольствие недоступным для городских низов. Обратной стороной свободного рынка в условиях дезорганизации экономики является дороговизна. Так, в августе в Казани хлеб стоил до 80 руб. за пуд [Знаменский, с. 167].

Комуч не отказался от продовольственной монополии. Модель его продовольственной политики сформировалась к 5 сентября, когда СУВ отменил свободную торговлю хлебом и перешел к регу-

лированию цен. Постановление совета гласило: «Весь заготовленный не для личных потребностей хлеб берется правительственными организациями на учет», хлебные запасы затем распределяются для нужд армии и потребляющих губерний, причем центральный продовольственный орган может запрещать вывоз хлеба из некоторых уездов.

Продовольственным органам предоставляется право принудительного отчуждения хлеба, исключительное право распределения хлебных запасов и право регулирования транспорта продовольственных грузов [Знаменский, с. 163–164].

Продовольственные органы получили широкие права по регулированию хлебных потоков. Но, в отличие от советской продовольственной диктатуры, принудительное отчуждение хлеба предусматривалось как возможность, а не система. Хлеб приобретался за деньги по цене ниже рыночной, но сопоставимой с ней (в отличие от советских твердых цен). Государство и кооперативы замещали хлеботорговцев, так что крестьянин получал оплату своего труда.

Как рассказывал Вольский в докладе IX Совету партии эсеров в 1919 г.:

...На опыте обнаружилось, что частная торговля почти ничего не дает в создании хлебных запасов, и главная масса хлеба поступает через кооперативы и продовольственную управу... Отсутствие денег сильно мешало развить продовольственные операции, но все же при падении Самары осталось несколько тысяч пудов хлеба в элеваторе по цене около 30 рублей пуд [цит. по: Там же, с. 485].

В июле на рынке хлеб стоил вдвое дороже [Кондрашин, с. 115]. Так что регулирование хлебного рынка Комучем оказалось удачной альтернативой большевистской продовольственной политике.

20 сентября Климушкин направил специальный циркуляр волостным земствам о том, что требования о возвращении земли помещикам или выплаты компенсации исполнению не подлежат, а Галкин издал приказ начальникам гарнизонов в случае необходимости пресекать подобные действия против крестьян военной силой [Там же, с. 112–113]. Поскольку Комуч объявил, что возвращение земли помещикам признано не будет, шансы вернуть землю у них были только при условии ликвидации власти Комуча.

Политика Комуча была направлена на умиротворение широких масс, недовольство которых катастрофической ситуацией Гражданской войны и любым правительством в таких условиях было практически неизбежно. Тем не менее, как пишет В. В. Кондрашин, настроенный крайне критически в отношении Комуча, «по сравнению с крестьянским движением на территории Поволожья, контролируе-

мой большевиками, крестьянские выступления на территории Комуча в целом были менее активными» [Кондрашин, с. 126]. Это мягко сказано. Протесты были на порядок менее активными. И направлены они были не против аграрно-продовольственной политики Комуча (что было важнейшим мотивом протестов на территории РСФСР), а прежде всего против мобилизации и репрессий (также куда более скромных, чем на советской территории).

Итоги крестьянской политики Комуча обсуждал VI Самарский крестьянский съезд, проходивший 15–23 сентября. Обстановка на нем была плюралистичная, выступали и сторонники, и противники Комуча. Несмотря на всю критику в адрес Комуча, резолюция в его поддержку, предложенная Климушкиным, получила более половины голосов [Там же, с. 123]. Комуч не смог (и объективно не мог при сохранении политического плюрализма) заручиться поддержкой подавляющего большинства крестьянских представителей, но большинство оставалось на его стороне.

Удар в спину

В июне 1918 г. казалось, что Комуч, находившийся на острие борьбы с большевизмом, получит надежный тыл в лице других правительств, возникших в Сибири и на Урале. Особенно много зависело от Временного сибирского правительства (ВСП). Там возобладали более правые политики, чем в Комуче.

Климушкин в своем докладе о работе Комуча 14 ноября 1918 г. бросил тяжелое обвинение:

...Когда наша армия умирала, Сибирь в критический момент не оказала содействия... Перед нами были большевики, но позади в первый же день не союзники, а враждебный лагерь [цит. по: Журнал заседаний, с. 436].

Военный министр ВСП А. Гришин-Алмазов так оправдывал бездействие Сибирской армии: «Мы считаем, что, пока не развернутся силы союзников, за Волгу отправить наши силы было бы величайшей авантюрой» [Там же, с. 459]. Отсиживаться в Сибири в решающие месяцы борьбы за инициативу на Волге было гораздо «практичнее». Часть сибирских сил вышла на фронт на Урале, но была пассивна. Более того, сибирское командование стало переманивать офицеров из Народной армии, вызвав у них живой отклик [Скитания русского офицера, с. 308, 315]. Не желая сражаться на восточном фронте летом 1918 г., праволиберальные и консервативные офицеры не понимали, что шанса вернуться на Волгу с востока больше не будет.

Создав таможенный пункт на ст. Полетаево под Челябинском, Сибирское правительство стало блокировать движение в сторону Самары товаров с востока, в том числе и помощи Антанты, которая распределялась на территории, подконтрольной Сибирскому правительству [Журналы заседаний, с. 457]. 3–18 июля Сибирское прави-

тельство, вопреки географии, передвинуло границу Сибири за Урал. Комуч протестовал [Там же, с. 31, 457].

Комуч готов был идти на уступки, чтобы снять угрозу с тыла. В условиях наступления Красной армии и давления со стороны более правых сил, в том числе Временного сибирского правительства, Комуч принял участие в Уфимском государственном совещании и создании 23 сентября Временного всероссийского правительства, к которому перешли полномочия Всероссийского правительства. Комуч, переехавший в Екатеринбург, превратился в общественную организацию – Съезд членов всероссийского Учредительного собрания, которую возглавил прибывший в Самару В. Чернов. После переворота 18 ноября 1918 г. съезд и его структуры были разогнаны сторонниками А. Колчака [см. Шубин, с. 491–530].

Выстраивая систему демократического социального государства, Комуч в условиях Гражданской войны во многих отношениях не соответствовал этой модели в ее идеальном понимании. Но он шел по этому пути, пока имел шансы на военно-политический успех.

Список литературы

- Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М. : Мысль, 1970. 294 с.
- Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага : О-во участников Волжского движения, 1930. 286 с.
- Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь – октябрь 1918 года // Архив новейшей истории России. Т. 11. М. : РОССПЭН, 2011. 631 с.
- Знаменский Н.* Время чехов // Борьба за Казань : сб. материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. Казань : Истпарт, 1924. С. 113–179.
- Калягин А. В., Парамонов В. Н.* Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект) // Вестн. Самар. гос. ун-та : [сайт]. 1998. № 1. URL: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html> (дата обращения: 12.06.2019).
- Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН, 2009. 575 с.
- Лапандин В. А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара : Самар. центр аналит. истории и ист. информатики, 2003. 212 с.
- Лапандин В. А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1918–2002 гг. Самара : Самар. центр аналит. истории и ист. информатики, 2006. 196 с.
- Майский И. М.* Демократическая контрреволюция. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 360 с.
- Перейра Н. Г. О.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М. : Ин-т рос. ист., 1996. 197 с.
- Попов Ф. Г.* 1918 год в Самарской губернии : Хроника событий. Куйбышев : Кн. изд-во, 1972. 325 с.
- Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне : Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2015. 530 с.
- Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М. : Алгоритм, 2017. 464 с.

Скитания русского офицера : Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подг. текста и вступ. ст. В. П. Жобер. М. : Книжница : Рус. путь, 2016. 480 с.

Терехин Ф. Красная армия в Казани с момента формирования до налета чехов // Борьба за Казань : сб. материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. № 1. Казань : Истпарт, 1924. С. 19–36.

Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М. : Ин-т рос. ист., 2000. 255 с.

Шубин А. В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М. : Академ. проект, 2018. 598 с.

References

Garmiza, V. V. (1970). *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [The Collapse of the Socialist-Revolutionary Governments]. Moscow, Mysl', 294 p.

Grazhdanskaya voyna na Volge v 1918 g. [Civil War on the Volga in 1918]. (1930). Coll. 1. Praga, Obshchestvo uchastnikov Volzhskogo dvizheniya. 286 p.

Kalyagin, A. V., Paramonov, V. N. (1998). Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Samarskogo Komucha (torgovo-promyshlennyi aspekt) [The Socio-Economic Policy of the Samara Komuch (Commercial and Industrial Aspect)]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. No. 1.

Kondrashin, V. V. (2009). *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoi voine: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The Russian Peasantry in the Civil War: On the Origins of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 575 p.

Lapandin, V. A. (2003). *Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniya: struktura vlasti i politicheskaya deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1919 gg.)* [Committee of Members of the Constituent Assembly: Power Structure and Political Activity (June 1918 – January 1919)]. Samara, Samarskii tsentr analiticheskoi istorii i istoricheskoi informatiki. 212 p.

Lapandin, V. A. (2006). *Eserovskie politiko-gosudarstvennyye obrazovaniya v Rossii v gody Grazhdanskoi voiny: istoriko-bibliograficheskoe issledovanie otechestvennoi literatury 1918–2002 gg.* [Socialist-Revolutionary Political and State Formations in Russia during the Civil War: A Historical and Bibliographic Study of Russian Literature in 1918–2002]. Samara, Samarskii tsentr analiticheskoi istorii i istoricheskoi informatiki. 196 p.

Maiskii, I. M. (1923). *Demokraticheskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic Counter-Revolution]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 360 p.

Pereira, N. G. O. (1996). *Sibir': politika i obshchestvo v Grazhdanskoi voine* [Siberia: Politics and Society in the Civil War.]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii. 197 p.

Popov, F. G. (1972). *1918 god v Samarskoj gubernii. Khronika sobytii* [1918 in Samara Province. Chronicle of Events]. Kuibyshev, Knizhnoe izdatel'stvo. 325 p.

Praisman, L. G. (2015). *Tretii put' v Grazhdanskoi voine. Demokraticheskaya revolyutsiya 1918 goda na Volge* [The Third Way in the Civil War. The Democratic Revolution of 1918 on the Volga]. St Peterburg, Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova. 530 p.

Rat'kovskii, I. S. (2017). *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.)* [Chronicle of the White Terror in Russia. Repression and Lynching (1917–1920)]. Moscow, Algoritm. 464 p.

Shubin, A. V. (2018). *1918 god. Revolyutsiya, krov'yu omytaya* [1918. Blood-Washed Revolution]. Moscow, Akademicheskii proekt. 598 p.

Terekhin, F. (1924). *Krasnaya armiya v Kazani s momenta formirovaniya do naleta chekhov* [The Red Army in Kazan from the Moment of Formation to the Czech Raid]. In *Bor'ba za Kazan'. Sbornik materialov o chekho-uchredilovskoi interventsii v 1918 g.* No. 1. Kazan, Istpart, pp. 19–36.

Trukan, G. A. (2000). *Antibol'shevistskie pravitel'stva Rossii.* [Anti-Bolshevik Governments of Russia]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii. 255 p.

Zhober, V. P. (Ed.). (2016). *Skitaniya russkogo ofitsera. Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920* [Wanderings of a Russian Officer. Diary of Iosif Ilyin. 1914–1920]. Moscow, Knizhit-sa, Russkii put'. 480 p.

Zhurnaly zasedanii, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossiiskogo Uchreditel'nogo sobraniya. Iyun'-oktyabr' 1918 goda [Minute Books, Orders, and Materials of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly. June-October 1918]. (2011). In *Arkhiv noveishei istorii Rossii*. Vol. 11. Moscow, ROSSPEN. 631 p.

Znamenskii, N. (1924). Vremya chekhov [Time of the Czechs]. In *Bor'ba za Kazan'*. *Sbornik materialov o chekho-uchredilovskoi interventsii v 1918 g.* No. 1. Kazan, Istpart, pp. 113–179.

The article was submitted on 15.06.2020